УДК 329:321.7 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-6-59-70

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В КОНКУРЕНТНОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: КОНСТАНТЫ И ИЗМЕНЕНИЯ

Нечаев Д.Н., Огнева В.В.[1]

Аннотация. Авторы подчеркивают значимость конкурентного демократического процесса, в котором участвуют политические партии, и который определяет «победителей» и «побежденных», степень участия партий в системе государственного управления и в принятии политических решений. Кроме того, очевидна и тенденция постоянной трансформации и адаптации партиом к вызовам времени, изменениям конфигурации партийных акторов (усиления влияния популистов, левых и националистических партий).

Объект исследования – политические партии в общенациональных партиомах, подвергающихся воздействию внутриполитических и внешнеполитических факторов.

Предмет исследования – изменения содержания и направленности деятельности политических партий, трасформационные сдвиги в партийных системах национальных государств.

Прошедшие в 2020 году в ряде государств мира избирательные кампании разных уровней (президентский, парламентские, региональные, локальные) со всей очевидностью подтвердили в отношении института политических партий два основных тренда. Причём, эти тренды во многом противоречат друг другу. С одной стороны, это конкурентные электоральный, как и в целом политический, процесс невозможен без политических партий. С другой стороны, в различных обществах с разными историческими, культурными и цивилизационными традициями по-прежнему имеются серьезные претензии к данному институту политической системы, запрос на обновление элементов общенациональных партиом.

Ключевые слова: политические партии, партиомы, избирательная система, политичеекие изменения, трасформационные сдвиги.

Нечаев Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, профессор, Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; адрес: 394036, Россия, г. Воронеж, ул. Карла Маркса, 67а, e-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Огнева Валентина Васильевна – доктор политических наук, профессор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; адрес: 302028, Россия, г. Орёл, б. Победы, 5а, e-mail: ognevavv@yandex.ru

POLITICAL PARTIES IN A COMPETITIVE DEMOCRATIC PROCESS: CONSTANTS AND CHANGES

NECHAEV D.N. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Voronezh branch of the Russian Economic University named after Plekhanov G.V., Chairman of the Expert Council of the Institute for Political Analysis and Strategies (Russian Federation, Voronezh), e–mail: Nechaevv@mail.ru

OGNEVA V.V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e–mail: ognevavv@yandex.ru

Abstract: The authors emphasize the importance of a competitive democratic process, in which political parties participate, and which determines the "winners" and "losers", the degree of participation of parties in the system of government and political decision-making. In addition, the tendency of constant transformation and adaptation of parties to the challenges of the times, changes in the configuration of party actors (increasing the influence of populists, left-wing and nationalist parties) is also obvious.

The object of the research is political parties in national parties that are influenced by domestic and foreign political factors.

The subject of the research is changes in the content and orientation of the activities of political parties, transformational shifts in the party systems of national states.

The election campaigns of various levels (presidential, parliamentary, regional, local) in a number of countries in the world in 2020 clearly confirmed two main trends in relation to the institution of political parties. Moreover, these trends in many respects contradict each other. On the one hand, this competitive electoral, as well as the political process in general, is impossible without political parties. On the other hand, in various societies with different historical, cultural and civilizational traditions, there are still serious claims to this institution of the political system, a request for renewal of elements of national parties.

Keywords: political parties, partisans, electoral system, political changes, transformational shifts.

Введение

Прошедшие в 2020 году в ряде государств мира избирательные кампании разных уровней (президентский, парламентские, региональные, локальные) со всей очевидностью подтвердили в отношении института политических партий два основных тренда. Причём эти тренды во многом противоречат друг другу. С одной

стороны, это конкурентный электоральный процесс, как часть политического процесса, невозможен без политических партий. С другой стороны, в различных обществах с разными историческими, культурными и цивилизационными традициями по-прежнему имеются серьёзные претензии к данному институту политической системы, запрос на обновление элементов общенациональных партиом.

Политические партии в партийных и избирательных системах, в структуре демократических институтов

Дж. Г. Марч и Й.П. Ольсен полагают, что существует несколько очевидных проблем, связанных с эффективностью и равновесием в партийно-политических системах. Если среда не является абсолютно стабильной или институт не обладает мгновенной адаптацией к меняющимся условиям, то процесс институционализации субъектов политики всегда будет иметь некоторую задержку. Но там, где среда быстро меняется по сравнению со скоростью, с которой институт адаптируется в данный процесс, можно легко и постоянно достигать равновесия. Например, когда прогнозируется, что политические партии займут «одинаковые позиции в условиях того, что партии быстро улавливают предпочтения избирателей, несложно предположить, что корректировка партий в партийной системе будет такой же быстрой, как и изменения предпочтений избирателей»[1].

В свою очередь польский политолог Э. Внук-Липиньский считает, что под партийной системой следует понимать совокупность партий, действующих в политическом пространстве публичной жизни как в общенациональном масштабе, так и в рамках наднациональных структур (к примеру, ЕС). Партийная система, уверен политолог, состоит из трёх ключевых элементов: из политических партий, из электоральных процедур, в которых участвуют партии, и из взаимодействия партийных структур. При этом сами политические партии являются компонентами национальных партиом[2].

Особая миссия политических партий – представлять интересы своих избирателей в парламентах, которые институционализируются как парламентские политические партии.

Именно в стенах парламента партии «реальных возможностей» (партии, которые побеждают на выборах) в больше мере ориентированы на взаимодействие, чем на конфликт (соперничество). Многопартийные парламенты, как полагает Джон Х. Олдрич, часто рассматриваются экспертами как гораздо более представительные органы. Тем более, что сами избирательные правила в большей мере ориентируются на пропорциональное представительство, а получающееся в

[1] MarchJ.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / James G. March, Johan P. - New York, London: The Free Press, 1989. – P. 55.

[2] Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни /Эдмунд Внук-Липиньский; пер. с польского Е.Г. Генделя. – М.: Мысль, 2012. – 536 с. – С. 380.

результате относительно большое число эффективных партий в легислатурах (законодательных органах власти) обеспечивает более широкое «приближение к представлению ими различных интересов в обществе». То есть эти системы лучше воспроизводят мнения и предпочтения общественности внутри законодательного органа[1].

Кроме анализа политической, партийной системы имеет смысл в рамках нашего исследования обратиться к избирательным системам, их разнообразию и специфике. В частности, американский политолог Р. Даль выделяет три вида избирательных систем. Это избирательная система пропорционального представительства (ПП) как некий формат полного совпадения двух величин: количества голосов, отданных избирателями в рамках выборов за соответствующую партийную структуру, с количеством мандатов (мест), которое политическая партия получила в законодательном собрании (парламенте)[2]. Это избирательная система ППВ (победитель получает всё), когда партии, набравшей наибольшее количество голосов, позволено намного увеличивать число мандатов, ПП против ППВ, когда дискурс по поводу справедливости, чтобы считать выборы честными и свободными, продолжается.

Смешанные избирательные системы функционируют, как правило, в рамках трёх основных типов. Это тип сосуществования, когда пропорциональное представительство и получение большинства (абсолютного или относительного) осуществляются в разных территориях национального государства. Это тип, предусматривающий сочетание различных избирательных практик. И, наконец, это коррекционный тип, при котором пропорциональное представительство выравнивает электоральные дисбалансы. Разумеется, в рамках существующих норм относительного и абсолютного большинства. В качестве некоего образца стоит привести пример смешанной системы, которая функционирует в ФРГ и в которой применяются и пропорциональное представительство, и формат одномандатных округов.

Профессор Калифорнийского университета Шон Боулер в своей научной статье о роли политических институтов подчёркивает значимость стабильных избирательных систем, где сужено поле и меньше возможностей для корыстных изменений субъектами политики правил игры в этих системах. Шон Боулер также считает, что эти системы формируют внутреннее единство и дисциплину партий. Избирательные системы также помогают институционализироваться особым отношениям между избирателями и представителями партий. На примере США Шон

[1] Aldrich J. H Political Parties In and Out of Legislatures / John H. Aldrich //The Oxford Handbook of Political Institutions; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – P. 559.

[2]Даль Р. О демократии /Р. Даль; пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: АспектПресс, 2000.– С. 127.

Боулер выделяет некоторые уже сложившиеся практики взаимоотношений избирателей и конгрессменов. Первое: автор вычленяет практики, позволяющие избирателям голосовать за отдельных избранников, которые фактически находятся на службе у депутата в его округе, подчеркивая этой службой политическую традицию личного голоса в своих электоральных предпочтениях[1]. Другие практики не поощряют такие «дружеские» отношения, и поэтому система стимулов ориентирована в пользу того, чтобы больше сосредотачиваться кандидатам на партийных установках, чем на решении вопросов отдельных избирателей.

Трасформационные сдвиги в партийных системах национальных государств: общее и особенное

Исследователи-партологи из стран Запада на протяжении ряда десятилетий подчёркивали наличие кризиса политических партий как в странах Запада, так и в странах Центральной и Восточной Европы, бывших республиках СССР. Такие явления были характерны и для периода 2000-х годов. Наравне с акцентацией кризисных явлений данные авторы педалируют в научном дискурсе и новые явления в партиях и партийных системах. Знаковым событием в этом разрезе является публикация пятитомника «Политические партии и демократия», где один из основных исследователей К. Лоусон выделяет ряд новых срезов в политическом развития данного института (в силу того, что партийное развитие является категорией универсальной).

В частности, К. Лоусон обосновывает в своём исследовании три стадии в выполнении главной своей функции (борьбе за власть). Это стадия либерализации, это стадия демократизации и это стадия, как это ни парадоксально, дедемократизации. При этом данный автор подвергает серьёзному анализу дедемократизацию, акцентируя внимание на наличии трёх её форм: инициативной, ретроактивной и соучастия (соучастие, в свою очередь, может быть разделено на неосознанное, коррупционное и идеологическое). Особый вклад К. Лоусона заметен в выделении различий трёх конституирующих компонентов. Это партии в органах государственной власти и управления, включая органы законодательной и исполнительной власти. Это партия как некий центральный офис политической структуры с её исполнительными органами и партийными функционерами. И это партия в разрезе организованного членства, поскольку сама партструктура состоит из партийных ячеек (низовых организаций)[2].

Кроме того, авторы данного пятитомника справедливо доказывают, что баланс внутри партии как института сдвинулся в сторону властного компонента, поскольку в стенах правительства и парламента принимаются решения и распределяются

[1]Bowler S. Elektoral Systems /Shaun Bowler //The Oxford Handbook of Political Institutions; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – P. 579.

[2] Political Parties and Democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties /Kay Lawson, Ser. Editor. – Praeger: ABC-CLIO LLC, 2010. – 300 p.

политические ресурсы (организационные, финансовые, кадровые). При этом, что особенно важно для нас, когда та или иная партия в стране становится доминирующей (феномен «партии власти»), частные интересы её лидеров превалируют над интересами всей партии. Следствием такой тенденции становится следующий выбор: доступность ресурсов для партии (госфинансирование) снижает желание актива партии обеспечивать связь между гражданами и государством, лидеры партий отдают приоритет функции персональной власти (благополучия) перед другими публичными целями.

Для партийной и избирательной системы национального государства крайне важна их суверенность. В частности, политолог П. Майр показал «вес внешних принципалов»[1] на примере Ирландии, попавшей в эпицентр мирового экономического кризиса 2008 – 2009 годов, когда фактор внешнего давления ЕС и МВФ на принятие партийным правительством страны режима жёсткой экономии стал определяющим (партии были не на стороне народа, а на стороне ЕС и МВФ). В данном ракурсе национализация партийной системы РФ, понимаемая как независимость от внешнего воздействия, способность партий повсеместно участвовать в избирательных кампаниях, «территориальная однородность голосования»[2], стоит в повестке дня научного дискурса.

Далее партия (или партии), считающая себя оппозиционной, не обладает властью и не может, следовательно, реализовать свою политическую волю, но имеет особую преференцию (будучи парламентской) по рецензированию (оценке деятельности) правящих партий («партий власти») и располагает возможностью вносить свои требования и предложения в политический дискурс, которые нельзя долго и последовательно игнорировать. Э. Внук-Липиньский приводит пример по Польше, когда во второй половине 90-х годов на базе профсоюза «Солидарность» возникла партия «Избирательная акция «Солидарность» (по-польски AWS), которая навязала свои предложения в дискурс и составила конкуренцию правящей партии (в 1997 году AWS выиграла парламентские выборы).

В начале XXI века эффективность и продуктивность партийного механизма в системах управления и в укреплении доверия к традиционным политическим институтам в публичном пространстве продолжают снижаться. Политические партии, в особенности в странах Запада, как инструмент удовлетворения требований граждан теряют поддержку в различных социальных группах. Следствием этого становится падение активности избирателей на выборах и

[1]Майр П. Смаги против партий: ответственное правительство и его институциональные ограничения/П. Майр //Политика в эпоху жёсткой экономии/ под ред. А.Шефара, В.Штрика; пер. с англ. А.А. Алвертян, Н.С. Глазкова, А.Г. Кузянина, Д.В. Мышьяковой, А.А. Порецковой; под науч. ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025.– С. 203.

[2] Грайворонский О.Ю. Факторы национализации партийной системы современной России. Полис. Политические исследования, – 2018. – №1.– С.45.

игнорировании партий вне электоральных кампаний[1]. В научном и экспертном сообществе стали выделять тенденцию кризиса доверия к партиям и правящему слою, к институтам избирательной системы, к примеру, в странах ЕС. В этой связи выделяются идеологические и функциональные факторы кризиса доверия, а также дефицит демократии.

К числу других сдвигов, которые происходили и происходят в партиях и партийных системах в период 2000-х годов, подчеркивающих тренд важных изменений, стоит отнести на следующие сдвиги. Если подвергнуть анализу подсчёты западных политологов в ракурсе голосований в отношении партийных предпочтений, делаем следующие выводы. Уровень поддержки умеренных политических партий в странах Европы снижается. И снижается существенно. Если в начале 2000-х годов за эти партии голосовало порядка 75 процентов европейцев, то уже в 2016 году – 64 процента. В то же самое время партийные предпочтения избирателей в отношении националистических и популистских партий с 1960-х годов по 2016 год существенно выросли. В том числе по количеству голосов избирателей – более чем вдвое (было 5,1 процента, стало 13,2 процента), а по полученным мандатам в органах законодательной власти – втрое. То есть было 3,8 процентав завоёванных мандатов, стало – 12,8 процента[2].

А четыре последующих года (2017–2020 гг.), по нашим оценкам, лишь укрепили тенденции. И не только в странах Запада, но и в развивающихся странах, в государствах с переходными обществами. Как на особый феномен в данном аспекте стоит обратить на партию АдГ (Альтернатива для Германии). Эта партия, в системе политических координат являющаяся популистским партийным объединением, стала третьей (если учитывать число депутатов в парламенте) в немецкой партиоме партией по итогам федеральных выборов 2017 года. Имеется серьёзное представительство АдГ и в земельных парламентах (ландтагах). В 2019 и в 2020 годах по итогам избирательных кампаний в ряде «восточных» земель АдГ обошла старейшую партию СДПГ и приблизилась по набранным голосам к партии ХДС федерального канцлера А. Меркель. И число таких партий и их влияние в обществе растёт, что свидетельствует об определённой закономерности в данном аспекте.

Данная тенденция характерна и для новых «левых», в том числе леворадикальных партий. Рост показателя эффективности политических партий в современных партийных системах достаточно убедительно иллюстрирует феномен партии «Подемос» в Испании. В данном аспекте имеет даже смысл назвать партию

[1] Рубинский Ю.И. Государство, политические системы и гражданское общество /Ю.И. Рубинский // Европа: вчера, сегодня, завтра /Институт Европы РАН; ред. кол. РАН: Н.П. (пред.) и др.; отв. ред. Н.П. Шмелев. – М.: ЗАО «Издательство» «Экономика», 2002. – С. 61–106. – С. 75.

[2] Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя /Б.И. Макаренко //Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 122–147. – С. 133.

«Подемос» испанской «Сиризой», подчеркнув при этом подвижность партийных систем (и не только в странах Запада). И если в 2011 году новая леворадикальная партия «Сириза» на парламентских выборах в Греции таргетировала привычный конфликт за власть Социалистической партии (ПАСОК) и партии «Новая демократия», то с 2013 года «Подемос» является не менее значимым вызовом для ИСРП (социалисты) и Народной партии (правые консерваторы).

А если учесть, что на парламентских выборах в Испании в апреле 2019 года в конгресс страны триумфально вошла праворадикальная, антимигрантская партия «VOX», то это лишь усиливает нашу позицию о тренде постоянной трансформации и адаптации современных партийных систем к вызовам времени, изменениям конфигурации партиом и её важнейших компонентов. Причём это касается не только партийных систем стран Запада, но и большинства государств новых демократий.

Ряд российских исследователей (В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров, С.М. Медведева), опираясь на предложенную ранее Л. Даймондом и Р. Гюнтером типологизацию политических партий в странах Западной Европы, выделяют в период 2000-х годов ряд значимых политических явлений. И это не только кризисные явления в этом традиционном институте политической системы, но и некие образцы институционализировавшихся «новых партий», которые вобрали в себя и «старые» идеологии, и новые запросы общества. Речь идёт о леворадикальных, либертарианских партиях (left-libertarian) и праворадикальных постиндустриальных партийных структурах популистского типа (post-industrial extremerigt). В итоге процесс трансформации партийных структур и партиом в странах Запада принял характер динамических изменений, с учётом международного экономического кризиса 2008–2009 годов и его социально-политических последствий[1].

В частности, в США мейнстримом партийного развития стали два движения некоей альтернативы двухпартийной системы (Республиканской и Демократической партий). Это так называемая «Чайная церемония» (TPM) и «Оккупируй Уолл-стрит» (Оссиру WallStreet). Кстати, наиболее политически резонансные действия (акции) TPM происходил в 2009 и в 2010 годах, когда движение Оссиру стало мощным фактором общественного недовольства в США, с реальной претензией на реальность захвата власти внутри системных партий в США.

Вместе с тем, исследуя функционирование политических партий (и в особенности парламентских) и партийных систем, нужно отметить следующее. Стоит различать партийно-политические процессы, с одной стороны, в странах Запада и бывших социалистических странах Европы, с другой стороны – в бывших республиках СССР (государств СНГ). На эти отличия обращает внимание и

[1]Сергеев В.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики /В.М. Сергеев, А.А. Казанцев, К.Е. Петров, С.М. Медведева //Политические исследования. – 2018. – №2. – С. 131.

Е.Д. Фурман, который выделяет главный тезис: в период 2000-х годов образцы традиционных западных политических партий не могут институционализироваться на постсоветской и постсоциалистической почве[1]. При этом партийные системы стран ЦВЕ оказались на рубеже десятилетий нового века не настолько развитыми и стабильными, чтобы выйти на консенсус интересов.

Общей же для стран ЦВЕ и СНГ стала связь партий с государством, как основной источник материальной поддержки. Партийные же системы стран СНГ по большей мере приобрели «фасадный» характер, а в большинстве постсоветских республик доминирующими партиями в партиоме становятся партии глав государств, не имеющих внятной идеологии и системных партийных программ, кроме программ обеспечения лояльности власти, функционирующей в данный исторический момент. Это партии «Единая Россия», «НурОтан» в Казахстане, «Ени Азербайджан» и др.

В период 2000-х годов российская партийная система прошла три трансформационных сдвига в рамках трёх этапов партийного строительства и радикальных изменений отечественной партиомы. Первый этап, 2001–2011 гг. – ужесточение и регламентация партийного строительства. Согласно данным Минюста РФ, в избирательной кампании 2003 года в парламент страны приняли участие двадцать три партии и блока партий. В 2007 году на выборах в Государственную Думу участвовали одиннадцать политических партий, а в 2011 году – 7 политических партий. Во второй этап, 2012–2017 гг., – либерализации партиомы и партстроительства (2016 г.) функционировали 74 партии, 14 из которых участвовали в выборах в российский парламент. И, третий этап, с 2018 года по настоящее время, – оптимизация партийной системы посредством государственного контроля за партийным строительством.

О серьёзной трансформации партийной системы РФ говорят следующие факты и тенденции. В январе 2020 года решением Министерства юстиции были ликвидированы 9 политических партий (на декабрь 2019 года в реестре Минюста численность – 53 партии). Эти факты свидетельствуют и о процессе оптимизации отечественной партиомы, в которой государство делает ставку на политическую активность партии. В то же время, по данным Центризбиркома РФ, в единый день голосования в сентябре 2020 года зафиксировано свыше 9000 электоральных компаний и участвовало 30 политических партий. Новыми и активными партиями в электоральном процессе стали следующие плитические партии: «За правду!» З. Прилепина, «Новые люди» А. Нечаева, партия экологистов «Зелёная альтернатива», «Партия прямой демократии», которые, на наш взгляд, станут политическим явлением на выборах в Государственную Думу 2021 года.

Подводя итоги вышесказанному, стоит выделить четыре основных вывода.

[1]Фурман Е.Д. Политические институты и гражданское общество в постсоциалистических и постсоветских странах //Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика /под ред. А.Е Лебедева, А.Я. Рубинштейна. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 83–116. – С. 100.

Во-первых, политические партии на субнациональном уровне, несмотря на серьёзную критику научного и экспертного сообщества, на невысокий уровень доверия и поддержки среди избирателей, остаются важнейшим институтом политических систем национальных государств. В данном разрезе партии и национальные партиомы, как конкурентный электоральный процесс, являются константой общего политического процесса. И разные гипотезы о серьёзном кризисе института политических партий, об их «умирании» не подтверждаются реальной политической практикой как в рамках либеральной демократии, так и в переходных обществах с недемократическими и гибридными политическими режимами.

Во-вторых, константой в деятельности политических партий остаётся доминирующая функция данного института – борьба за власть и структурирование государственной власти. Причём именно политические партии и электоральный процесс являются механизмом противодействия политическому хаосу (по итогам государственных переворотов, цветных революций), инструментом перехода к легитимному правлению. При этом, однако, стоит выделить одну поправку. Наличие политических партий (старых и новых), институционализации многопартийной партиомы на общенациональном уровне вовсе не гарантирует, даже при честных и прозрачных выборах, хорошего государственного управления и устойчивого социально-экономического развития национальных государств.

В-третьих, эти новые вызовы, которые предстают перед национальными государствами, влияют на изменение и трансформации политических партий. В период 2000-х годов многие партии, к примеру, стран Западной Европы перестали быть массовыми, снизился уровень поддержки данных партий (СДПГ в ФРГ, Социалистическая партия во Франции). Партиями политического мейнстрима становятся правопопулистские и националистические партии («Альтернатива для Германии», «Истинные финны», «Национальное объединение» во Франции, до 2018 года имела название «Национальной Фронт», и др.). Сущностно меняются и левоцентристские партии, где укрепляют своё положение левые радикалы. Характерный пример – Демократическая партия США. В последние десятилетия в постсоветских и постсоциалистических странах особую активность приобретают внесистемные политические движения праволиберальной и леволиберальной направленности. К примеру, в России это общественно-политическая структура А. Навального, Левый фронт С. Удальцова. И именно эти движения представляют угрозу устойчивости, стабильности политических систем.

В-четвёртых, серьёзные изменения происходят в национальных партиомах. К примеру, партийная система ФРГ, которую ещё в 1950 годы М. Дюверже называл 2,5 партийной системой (ХДС/ХСС, СДПГ и СвДП), в 2000-е годы окончательно институционализировалась как многопартийная система. С 2010 по 2020 год серьёзная трансформация произошла и в Российской партиоме.

Из полуторапартийной системы («Единая Россия» и малые партии – КПРФ, ЛДПР и СР) российская парфюма оформляется как многопартийная. И, на наш взгляд, выборы в Государственную Думу закрепят этот новый статус. Таким образом, изменения в партийных системах становятся серьёзными трансформационными сдвигами.

Библиография/References:

1. Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни / Пер. с польского Е.Г. Генделя. – М.: Мысль, 2012. – 536 с.
2. Грайворонский О.Ю. Факторы национализации партийной системы современной России // Полис. Политические исследования. – 2018. – №1. – С. 45–61.
3. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
4. Майр П. Смаги против партий: ответственное правительство и его институциональные ограничения // Политика в эпоху жесткой экономии / Под науч.ред. А.А. Порецковой, И.В. Соболевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С.200–233.
5. Макаренко Б.И. Теория партийных систем полвека спустя // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 122–147.
6. Рубинский Ю.И. Государство, политические системы и гражданское общество // Европа: вчера, сегодня, завтра. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – С. 61–106.
7. Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 130–149.
8. Фурман Е.Д. Политические институты и гражданское общество в постсоциалистических и постсоветских странах // Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / Под ред. А.Е Лебедева, А.Я. Рубинштейна. – СПб.: Алетейя, 2011. – С. 83-116.
9. Aldrich J. H Political Parties In and Out of Legislatures / John H. Aldrich //The Oxford Handbook of Political Institutions; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. –P. 555 – 576.
10. Bowler S. Elektoral Systems /Shaun Bowler //The Oxford Handbook of Political Institutions; Edited by R.A. Rhodes, Sarah A. Binder and Bert A. Rockman. – Oxford: University Press, 2006. – P. 577– 594.
11. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions. The Organizational Basis of Politics / James G. March, Johan P. - New York, London: The Free Press, 1989. – 228 p.

12. Political Parties and Democracy. Volume III. Post-soviet and Asian political parties // Kay Lawson, Ser. Editor. – Praeger: ABC-CLIOLLC, 2010. – 300 p.

1. Vnuk-Lipin'skii, E. (2012) Sotsiologiia publichnoi zhizni [Sociology of public life] / Per. s pol'skogo E.G. Gendelia. – M.: Mysl'. – 536 p. (In Russ.)
2. Graivoronskii, O.Iu. (2018) Faktory natsionalizatsii partiinoi sistemy sovremennoi Rossii [Factors of nationalization of the party system of modern Russia] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – №1. – P. 45-61. (In Russ.)
3. Dal', R. (2000) O demokratii [About democracy] / Per. s angl. A.S. Bogdanovskogo; pod red. O.A. Aliakrinskogo. – M.: Aspekt Press. – 208 p. (In Russ.)
4. Mair, P. (2015) Smagi protiv partii: otvetstvennoe pravitel'stvo i ego institutsional'nye ogranicheniia [Smagi against parties: responsible government and its institutional limitations] // Politika v epokhu zhestkoi ekonomii [Politics in the age of austerity] / Pod nauch.red. A.A. Poretskovoi, I.V. Sobolevoi. – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki. – P.200-233. (In Russ.)
5. Makarenko, B.I. (2018) Teoriia partiinykh sistem polveka spustia [Theory of party systems half a century later] // Politicheskaia nauka [Political science]. – № 1. – P. 122– 147. (In Russ.)
6. Rubinskii, Iu.I. (2002) Gosudarstvo, politicheskie sistemy i grazhdanskoe obshchestvo [State, political systems and civil society] // Evropa: vchera, segodnia, zavtra [Europe: yesterday, today, tomorrow]. – M.: ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika». – P. 61– 106. (In Russ.)
7. Sergeev, V.M., Kazantsev, A.A., Petrov, K.E., Medvedeva, S.M. (2018) Krizis partiino-politicheskoi sistemy v SShA i stranakh ES: prichiny i kharakteristiki [Crisis of the party-political system in the USA and EU countries: reasons and characteristics] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 2. – P. 130 – 149. (In Russ.)
8. Furman, E.D. (2011) Politicheskie instituty i grazhdanskoe obshchestvo v postsotsialisticheskikh i postsovetskikh stranakh [Political institutions and civil society in post-socialist and post-Soviet countries] // Grazhdanskoe obshchestvo: zarubezhnyi opyt i rossiiskaia praktika [Civil society: foreign experience and Russian practice] / Pod red. A.E Lebedeva, A.Ia. Rubinshteina. – SPb.: Aleteiia. – P. 83 – 116. (In Russ.)